

Глава 34

Размышления над эссе Г.В. Плеханова «Пессимизм как отражение экономической действительности»

В середине XIX в. в русский язык проникло французское слово «пессимизм», чрезвычайно распространившееся сначала в обыденном смысле. На Западе пессимистические мотивы можно было обнаружить еще в мрачных концептуальных положениях профессора экономики Томаса Мальтуса, считавшего экономику «*dismal science*» (англ. – унылая, гнетущая наука)¹, и даже в рассуждениях о тенденции снижения нормы прибыли такого великого баловня судьбы, как Давид Рикардо, который называл экономику «*gloomy science*» (англ. – мрачная наука)². В России выказывать пессимизм стало модным в кругу просвещенных людей только после появления философических писем П.Я. Чаадаева³, касавшихся судеб всего государства и общества в целом.

Буквально за несколько лет до знаменитых «Этюд о природе человека» И.И. Мечникова, где великий ученый раскрывает особенности пессимистического мировоззрения⁴, и через 15 лет после Э. Гартмана с его трудом «К истории и обоснованию пессимизма» (1880)⁵ пространное эссе о пессимизме написал Г.В. Плеханов. Эта работа вышла в 1895 г. и полное ее наиме-

¹ Жид Ш., Рист Ш. Глава 3. Пессимисты // История экономических учений. М.: Экономика, 1995.

² David Ricardo. The Works and Correspondence of David Ricardo. Vol. 10. Biographical Miscellany [1795]. Indianapolis: Liberty Fund, 2005.

³ Чаадаев П.Я. Философические письма. М.: Проспект, 2014. 143 с.

⁴ Мечников И.И. Этюды оптимизма. М.: Наука, 1988. С. 219.

⁵ Золотухин В.В. Эдуард фон Гартман: неизвестный шеллингианец // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 17. Философия. Конфликтология. Культурология. Религиоведение. 2016. Вып. 3. С. 28–38.

нование – «Пессимизм как отражение экономической действительности (пессимизм П.Я. Чаадаева)» с подзаголовком: «Материалы к характеристике нашего хозяйственного развития»⁶. Есть основания полагать, что Плеханов, давно увлеченный теорией познания, воспринял оригинальные идеи не только Эдуарда фон Гартмана, но и теоретический пессимизм Артура Шопенгауэра, позволивший обосновать и ввести в научный оборот понятие «мотивации»⁷. Поэтому, наверное, не случайно именно в первой половине 1890-х гг., находясь в эмиграции, Плеханов задумал и реализовал свой проект, в котором предпринял попытку оценить специфику негативного восприятия просвещенной частью российского общества вектора экономического развития России (от прошлого к настоящему и будущему), взяв в качестве методологии, или методологического принципа, особое онтологическое основание, заданное «философическими письмами».

Насколько работа Г.В. Плеханова актуальна в современную эпоху? Не представляет ли она ценность лишь как исторический или даже литературный артефакт? Для того чтобы убедиться в ее значимости, обратимся к некоторым примерам из современности.

Надо сказать, что Плеханов в своей работе рассмотрел пессимизм скорее в социологическом смысле, чем в каком-либо ином, хотя он чрезвычайно распространен во многих современных науках как философская антропогема или как объективная истина в духе Э. Гартмана. Не случайно многие ученые указывают на то, что мы имеем удовольствие жить в эпоху гносеологического пессимизма⁸, поскольку довлеющая в наше время идеология постмодернизма весьма критична к науке как форме познания. Конечных истин достичь невозможно, а то, что уже

⁶ Плеханов Г.В. Пессимизм как отражение экономической действительности (Пессимизм П.Я. Чаадаева) («Материалы к характеристике нашего хозяйственного развития», 1895 г.) // Плеханов Г.В. Сочинения / Под ред. Д. Рязанова. М., Л.: Государственное издательство, 1925. Т. 10. С. 133–162.

⁷ Илтымакова Л.Г. Современники А. Шопенгауэра о его пессимизме: оценки и интерпретации // Вестник Таганрогского института имени А.П. Чехова. 2015. № 2. С. 313–318.

⁸ Барков С.А., Зубков В.И. Постмодернизм и гносеологический пессимизм: социальные и научные противоречия // Социодинамика. 2016. № 11. С. 1–21.

познано, несравненно меньше того, что еще неизвестно и непонятно. Гносеологический пессимизм связан с пониманием невозможности радикально улучшить жизнь общества с помощью открытия новых истин, о чем уже сделаны выводы в массе научных трудов. Во всяком случае необходимо учитывать заметное увлечение в современной науке методологическим принципом постмодернизма и гносеологическим пессимизмом как его социальной рефлексией. Есть немало аргументов «за» гносеологический пессимизм, с апелляцией к различным философским и социологическим концепциям, явлениям в социально-политической и социально-экономической сферах, в повседневной жизни людей.

Помимо прочего саму стилистику постмодернизма, который принято расценивать как реакцию на модернистский культ нового, элитную реакцию на массовую культуру или полицентричное состояние этико-эстетической парадигмы, отличает пессимизм, скепсис и сарказм. Наверное, нет нужды убеждать в том, что ученые и вообще образованные люди уже давно (со времен античности) проявлявшие склонность и способность к одиночеству и размышлениям о прошлом, настоящем и будущем, не могли отвергнуть ни оптимизм, ни пессимизм, отражающие общее отношение к будущему. Критическое отношение к действительности и возможным последствиям неизменно порождало пессимизм и скептицизм. Однако, как писал немецкий философ Одо Марквард, без скептицизма невозможна наука. Он отмечал, что задача скептика – не поиск теории, которая смогла бы «примирить» конфликтующие точки зрения (а в нашем случае – примирить с экономической действительностью), а сохранение принципа разделения властей, если под властью понимать не только политический институт, но и суждения, теории, концепции, оказывающие влияние на позицию отдельного индивида⁹.

Нельзя не брать в расчет нынешнего пышного возрождения агностицизма, неизменно утверждающего, что истина в принципе недостижима, а познание не знает границ, оно бесконечно¹⁰. Большинство плодов познания, учат агности-

⁹ Румянцева М. Одо Марквард: скепсис и согласие // Логос. 2016. Т. 26, № 4. С. 165.

¹⁰ Проблема познаваемости мира. Скептицизм, агностицизм, гносеологический оптимизм.

ки, – это всего лишь частности, которые вряд ли могут изменить мир¹¹. Видимо, эти утверждения имеют под собой почву. Действительно, сейчас мы все больше понимаем, что многие достижения науки далеко не сразу находят свое воплощение в жизни общества, ведут к улучшению положения людей, а ряд открытий вообще приводит к непрогнозируемым печальным результатам.

Есть отрасли науки, где пессимизм преобладает весьма значительно. Например, в связи с новейшими открытиями в космосе в астрофизике стали весьма пессимистично относиться к возможности обнаружить иной разум во Вселенной. Причем пессимистические настроения здесь наблюдаются уже давно. В 2003 г. писатель-фантаст М. Крайтон на лекции в Калифорнийском технологическом институте заявил: «Выражаясь точно, уравнение Дрейка абсолютно бессмысленно и не имеет ничего общего с наукой. Я придерживаюсь точки зрения, что наука может создавать только проверяемые гипотезы. Уравнение Дрейка не может быть проверено, и поэтому я не могу отнести SETI к науке. SETI подобен религии, его нельзя опровергнуть»¹².

Пессимизм в отношении современной западной цивилизации высказывает современный философ Р. Генон, противопоставляя великую древнюю религиозную традицию и «упаднический» современный мир. Генон негодует из-за того «беспрецедентного факта», что «целая цивилизация возведена на чисто негативных основаниях, на абсолютном отсутствии высшего Принципа». Он отказывается принимать в качестве сколько-нибудь положительных оснований капитализм, индивидуализм или демократию¹³. Сменил оптимизм на пессимизм даже американский политолог Ф. Фукуяма, наделавший в 1989 г. много шума в политике и философии своей мажорной книгой «Конец истории?». Сейчас он разочаровался в том, как в современном мире воплощаются либеральные идеи, крайне пессимистично

¹¹ Особенности проявления оптимизма – пессимизма в образно-смысловом представлении мира // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 12. Социология. 2009. Вып. 1, Ч. 1. С. 61–65.

¹² Уравнение Дрейка // Квазар. 2016. № 3. С. 11.

¹³ Генон Р. Из книги «Кризис современного мира» // Апокалипсис смысла: Сборник работ западных философов XX–XXI вв. М.: Алгоритм, 2007. С. 143–152.

относясь к тому, что происходит в США и России, и в отношениях этих стран друг с другом¹⁴.

Политэкономист Б. Фридман, автор книги «Моральные последствия экономического роста», сравнивая современное западное общество с удерживающим равновесие на ходу велосипедом, колеса которого вращаются благодаря экономическому росту, предупреждает, что если поступательное движение «велосипеда» замедлится или прекратится, то основы общества (демократия, личные свободы, социальная толерантность и т.п.) могут прийти в упадок. Мир, по его мысли, будет становиться все более мрачным местом, с нехваткой ресурсов и большим числом отверженных людей. Общество ждет полный крах, если не будет найдено средство возобновить экономический рост¹⁵.

Но наиболее сенсационным пессимистическим трудом, вызвавшим жаркие споры в среде экономистов всего мира, стала книга профессора Сорбонны Т. Пикетти «Капитал в XXI веке»¹⁶. Центральный тезис концепции Пикетти состоит в том, что процент на унаследованное богатство порождает долгосрочную и неустранимую тенденцию к росту неравенства доходов. Пессимизм новой звезды мировой экономической науки до такой степени смутил отдельных ученых, что Д.Н. Макклоски, например, даже назвала его измеренным, преувеличенным и безосновательным¹⁷.

В наше время наряду с понятием «пессимизм» получила распространение (и стала очень модной в философии, социологии и политической науке) в определенном смысле синонимически близкая ему дюркгеймовская категория «аномии»¹⁸; по Макавайеру – духовная опустошенность, неизбывная тоска (главное

¹⁴ Fukuyama F. Political Order and Political Decay: From the Industrial Revolution to the Globalization of Democracy. N.Y.: Farrar, Straus and Giroux, 2015. 688 p.

¹⁵ Friedman B. The Moral Consequences of Economic Growth. N.Y.: Knopf Doubleday Publishing Group, 2010.

¹⁶ Пикетти Т. Капитал в XXI веке. М.: Ад Маргинем Пресс, 2016. С. 585–589.

¹⁷ Макклоски Д.Н. Измеренный, безмерный, преувеличенный и безосновательный пессимизм: о книге «Капитализм в XXI веке» Томаса Пикетти // Экономическая политика. 2016. Т. 11, № 4. С. 153–195.

¹⁸ Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. М.: Канон, 1995. С. 23–29.

отличие аномии от пессимизма состоит в том, что она связана с беззаконием, безнормностью)¹⁹.

Однако есть и критика гносеологического пессимизма. Если иметь в виду российскую общественную мысль, то впервые сомнения в пессимизме высказал А. Герцен (казалось, сам внесший значительный вклад в философско-исторический пессимизм), посчитавший, в конце концов, что в этическом плане пессимизм ничего не дал, оставаясь всего лишь диалектической игрой ума. Он не предложил какой-то убедительной нравственной программы, не смог инкорпорировать этику или даже создать собственную этику. По мнению Герцена, этика в том или ином смысле оправдывает бытие, а пессимизм ведет к отрицанию жизни. С этической стороны обосновать пессимизм невозможно, он не совместим с этикой, потому что «метафизика пессимизма обесценивает как материальный, так и духовный мир...»²⁰. А ведь после поражения революций середины века в Европе Герцен и его европейские единомышленники воспринимали действительность именно в духе исторического пессимизма. Были разрушены надежды демократической интеллигенции, которые до сих пор господствовали в сознании в виде не только просветительских идеалов, но и гегелевских философских понятий и романтических представлений. Казалось, гибнет цивилизация, гибнет Европа...

В связи с тем, что проблема возникновения пессимизма и его дискурса не утратила своей актуальности и поныне, а возможные интерпретации этого феномена, по-видимому, неисчерпаемы, не может не вызвать уважение стремление Г.В. Плеханова поднять эту сложную тему. Вместе с тем Плеханов, как мы уже упоминали выше, основное внимание уделил именно воздействию экономики на сознание всего общества, отдельных социальных слоев. Не упоминая знаменитую фразу К. Маркса из предисловия к «К критике политической экономии» (1859) «Не сознание людей определяет их бытие, а, наоборот, их общественное бытие определяет их сознание», Г.В. Плеханов на довольно простых примерах, не обремененных сложными на-

¹⁹ Макавайер Р. Социальные причины преступности // Социология преступности. М.: Прогресс, 1966. С. 77–85.

²⁰ Никоненко В.С. Горькая истина. Философско-исторический пессимизм А.И. Герцена // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2012. Т. 13, Вып. 3. С. 114–121.

учными конструкциями, демонстрирует практически то же самое. Несомненно, что он понимает пессимизм как производное состояние, как реакцию на положение в обществе. При этом Плеханов показывает, что пессимизм может распространиться в обществе из-за отказа от модернизации и сохранения отсталых экономических отношений, но при изменившихся условиях генератором отчуждения может стать, наоборот, продукт модерна и разрушения традиционного общества.

Представляя на нескольких страницах своего труда описание основных положений «философических писем», Плеханов отмечает, что одним этим автор сделал для развития российской мысли бесконечно больше, чем кто-либо другой. Он убежден в том, что, несмотря на изменившиеся условия в политике и экономике страны, суждения Чаадаева по-прежнему заслуживают самого пристального внимания, особенно со стороны тех, кому небезразлична судьба русской общественной мысли. То есть, по существу, пессимистические оценки, базирующиеся на объективизме, на глубокой аргументации, играют большую роль, будят сознание, иницируют размышления и будоражат общественное мнение, приближая к пониманию недостатков в экономике как следствия сознательного отказа государственной власти от модернизации.

Исследуя истоки разочарования, постигшего лучшие умы России в 1820–1830-х гг., Плеханов подчеркивает его неизбежность. «В каждой стране, – пишет он, – бывали такие эпохи, когда люди, далеко опередившие своих современников и потому чувствовавшие себя одинокими, впадали в тяжелое, а подчас и совершенно безнадежное настроение».

Действительно, пессимизм распространялся в обществе довольно часто, и не только в России, но и за рубежом. Достаточно вспомнить пессимистические настроения, охватившие российское общество в начале XX века, особенно после поражения Российской империи в Русско-японской войне и непосредственно перед Февральской революцией 1917 г. Пессимизм в значительной части общества распространился и в эпоху так называемого «застоя», а затем на излёте перестроечной эпохи, когда провозглашенные и широко распропагандированные преобразования не только не изменили к лучшему жизнь советских людей, но существенно ее усложнили. При этом многие впали в пессимизм, уныние, осознав, что «гласность» – это далеко не свобо-

да слова. Плеханов не дожил до этих времен, но он правильно обозначил проблему и одним из первых в России предпринял попытку рассмотреть различные аспекты пессимизма.

С целью подтверждения своих рассуждений о природе пессимизма Плеханов обращается к предисловию Гельвеция, написанному бывшим генеральным сборщиком налогов, а затем ученым и литератором для своего ставшим посмертным труда «De l'Homme» («О человеке»), которое было проникнуто пессимизмом по поводу положения дел во Франции в эпоху Людовика XV. Интересно, что сравнивая настроения Гельвеция и Чаадаева, Плеханов утверждает, что пессимизм последнего «бесконечно глубже и потому несравненно безотраднее». Чаадаева, по мнению Плеханова, невозможно было ободрить надеждой на то, что рано или поздно сменятся власти, придут новые люди, которые начнут прогрессивные преобразования, тогда как Гельвеций мог быть убежден, что явится новый французский монарх, и все изменится. Плеханов приводит выдержку: «Наше состояние безвыходно, потому что историческая логика указывает, что мы вне народных потребностей». Такого рода пессимизм был нонсенсом в Российской империи, громом среди ясного неба, и поэтому Чаадаев был объявлен сумасшедшим и посажен под домашний арест.

Далее Плеханов приводит примеры разочарования одних из самых образованных и деятельных людей того времени – славянофилов, надежды которых разбились при попытке «искупить грех своей безнародности». Казалось, ничто не могло быть оптимистичнее взглядов славянофилов. Один из виднейших представителей этого славного течения общественной мысли, А.С. Хомяков, безгранично верил в великое будущее России. Славянофилы отличались тем, что весьма последовательно и настойчиво апеллировали к внутренней логике общественной жизни. Однако и они впоследствии были вынуждены признать, что изменение судьбы народа к лучшему – дело колоссальной трудности. «Итак, даже славянофильский оптимизм не мог отделаться от значительной доли пессимизма», – заключает Г.В. Плеханов.

И все же пессимизм славянофилов развился не от созерцания и размышлений, а в результате того, что их деятельные попытки что-то изменить потерпели неудачу. Призывая людей обратиться к своим историческим основам, традициям и идеалам, славянофилы способствовали пробуждению национального со-

знания. Многие ими было сделано для собирания и сохранения памятников русской культуры и языка («Собрание народных песен» П.В. Киреевского, «Словарь живого великорусского языка» В.И. Даля). Славянофилы-историки (И.Д. Беляев, Ю.Ф. Самарин и др.) заложили основу научного изучения русского крестьянства, в том числе его духовных основ. Славянофилы создавали славянские комитеты в России в 1858–1878 гг.

Пессимистические настроения в России, отмечает Плеханов, усиливались благодаря проникновению с Запада иностранных идей, начало которого он датирует временем Петра Великого. Эти настроения не были изжиты и в 60–70-х гг. Но временами они принимали несколько иной характер, что автор показывает на примере деятельности и сочинений Г.И. Успенского. Увлеченные просветительскими идеями, Успенский и его единомышленники были озабочены разрушительным влиянием на Россию «так называемой цивилизации». Они пытались этому препятствовать по мере своих сил и возможностей, но довольно быстро убедились в невозможности эффективно противодействовать проникновению в Россию капитализма. Поэтому в сочинениях Успенского отразились уныние, тоска, пессимизм, «умная ненужность» интеллигенции. Для подтверждения этого Плеханов приводит большой отрывок из очерка Успенского «Мелочи путевых воспоминаний», где тот в художественно-публицистической форме фактически показывает непреодолимость превращения единоличных патриархальных хозяйственных единиц в гигантскую однообразную капиталистическую массу, нивелирующую индивидуальность.

Разница между Чаадаевым и Успенским видится Плеханову в том, что первый был идеалистом, а второй бессознательно, но близко подошел к материалистическому пониманию истории. Условиями земледельческого труда определялось мирозерцание русского народа, и то и другое были неизменными на протяжении столетий. Однако «с исчезновением этих условий необходимо исчезнет и русская народная стихия, народ обезнародится...». Тут Плеханов не во всем согласен с Успенским. Русский народ, считает он, перестанет видеть в западных народах нечто чуждое ему, он сам станет частью Запада.

Плеханов, в отличие от Чаадаева и Успенского, все же видит в истории России поступательное экономическое развитие. Отмену крепостного права (19 февраля 1861 г.) он считает доведе-

нием петровских реформ до своего логического конца. «Теперь мы безвозвратно вовлечены в экономическое движение цивилизованного человечества, и никакого утра для старой московской обломовщины не будет. Finis Moscoviae! Ты победил, саардамский плотник!».

Ранее пессимизм проистекал в основном из-за того, что западные идеи некритически заимствовались и механически переносились на русскую почву. Причем от одной идеи быстро отрекались и переходили к другой, благо на Западе идеи тоже конкурировали и сменяли одна другую, что отражало борьбу и движение общественных сил. По мысли Плеханова, пессимизм Чаадаева в новых исторических условиях лишается своего основания. Развитие европейских идей теперь может происходить и в России, причем по собственной логике и на основе европеизированной жизни.

Но теперь, отмечает Плеханов, возникает иного рода пессимизм. Новый экономический уклад у многих вызывает тревогу тем, что уменьшает благосостояние народа, разрушает его производительные силы. Плеханов видит недостатки капитализма, но предупреждает, что без него было бы значительно хуже, без капитализма застой только бы углубился. В этом месте эссе впервые упоминаются К. Маркс и Ф. Энгельс. В частности, Плеханов указывает, что Маркс никогда не призывал бороться с капитализмом посредством мер, способных замедлить его развитие. Энгельс же упоминается в связи с его отповедью прудонистам, когда он утверждал, что именно новейшая крупная промышленность создала условия, при которых возможно уничтожение эксплуатации в ее последней форме – в форме товарного производства. Дав отповедь противникам капитализма, Плеханов тем самым завершил свои мысли о пессимизме Чаадаева.

Таким образом, Г.В. Плеханов стал одним из первых в России, кто предпринял попытку дать достаточно определенное толкование социальному пессимизму как отражению экономической действительности, оставив в стороне его философские основы. Вместе с тем следует сказать, что отдельные наиболее существенные аспекты проблемы остаются вне поля зрения современных философов даже в настоящее время. Можно сказать, что именно с Г.В. Плеханова началось системное изучение пессимизма, определение методологических оснований для его последующего осмысления.

Плеханов вплотную подошел к пониманию того, что проблемы пессимизма комплексны, многогранны, противоречивы. Социальный пессимизм, как его понимал Плеханов, есть сложное социокультурное понятие, связанное с особенностями развития общества. Позднее, благодаря многочисленным исследованиям социологов, удалось понять, что без раскрытия природы пессимизма невозможно понять и выработать механизмы современной социальной динамики. Более того, пессимизм перестал восприниматься как безусловный негатив. Теперь его нельзя не расценивать как одну из возможных реакций той или иной страты на конкретное явление общественной жизни, важный показатель для аналитической работы и принятия важных управленческих решений. Социальная адаптация, вне учета специфики проявлений и влияния на общественное мнение социального пессимизма, может стать сдерживающим фактором на пути к стабилизации российского общества. Успешная адаптация во многом зависит от сформированности соответствующего внутреннего настроя при реализации как социального оптимизма, так и пессимизма.